

18+

Сергей КРАВЧЕНКО

Яйцо Птицы Сирин

Сергей Кравченко
Яйцо птицы Сирин

«Издательские решения»

Кравченко С.

Яйцо птицы Сирин / С. Кравченко — «Издательские решения»,

Иван Грозный повелел осмотреть земли за уральским Камнем. Хотелось ему понять, не опасно ли для здоровья путешествовать в места, столь отдаленные? Остережет ли путника от туземной нечисти крест православный? Можно ли там дышать? Водится ли еда? Пьется ли вода? Нет ли невесомости? Сверху ли небо? Снизу ли земля? Восходит ли солнце из-за всей Сибири или только из-за Камня? Вот такие были вопросы, и хотелось их прояснить. А вот и люди подходящие нашлись...

© Кравченко С.

© Издательские решения

Содержание

Яйцо Птицы Сирин	6
От автора. 1530—1584. Век Иоанна Грозного	6
Пролог. 1536. Москва. Сказка	8
Глава 1. 1547. Москва. Бесы	10
Глава 2. 1570. Волга. Братство Кольца	13
Глава 3. 1570. Волга. Дипломатическая неприкосновенность	16
Глава 4. 1578. Дикое Поле. Выкуп	19
Глава 5. 1581. Москва. Ведьма	22
Глава 6. 1581. Москва. Семен Строганов	28
Глава 7. 1581. Москва. Видение красной казни	30
Глава 8. 1581. Москва. Жажда иглы	34
Глава 9. 1581. Ярмек заклятый	36
Глава 10. 1581. Москва. Завтрак при царе	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Яйцо птицы Сирин

Сергей Кравченко

© Сергей Кравченко, 2026

ISBN 978-5-0071-0536-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Яйцо Птицы Сирий

От автора. 1530—1584. Век Иоанна Грозного

Примечание. Все даты до 1918 года приводятся по Юлианскому календарю «старого стиля».

В ночь со среды на четверг 3 декабря **1533** года скончался от «гниения в боку» великий князь Московский и всея Руси Василий III Иоаннович. За 28 лет своего правления он сумел сохранить завоевания отца, освободителя Руси от татарского ига и покорителя Новгорода Иоанна III Горбатого. Василий даже умножил территорию страны, присоединил к московскому государству Смоленск и Псков.

По завещанию Василия править Русью стала его вдова Елена Глинская. Эта женщина — племянница польско-литовского диссидента и русского полководца Михаила Глинского сумела наладить управление беспокойным государством. Она прекратила войны, начала строить новые города, боролась с фальшивомонетчиками, привела в относительный порядок финансы.

Такая европейская распорядительность не остается у нас безнаказанной. Елена скончалась после четырехлетнего правления 3 апреля **1538** года с очевидными признаками отравления.

Сын Елены и Василия Иван осиротел в восемь лет. Он пережил страшные годы «правления боярского», когда князья Шуйские, Бельские и прочие бились смертным боем за Шапку Мономаха.

В течение пяти лет жизнь наследника подвергалась опасности. Его не задушили, не отравили, не зарезали только случайно — из-за дворцовой неразберихи, по недосмотру.

Но Иван спасся не только Божьей милостью. Этот нервный, запуганный, осиротевший мальчик сам нанес упреждающий удар. Он совершил дворцовый переворот в 13 лет. Он нашел-таки несколько человек, на которых смог опереться. Иван напал на бояр 29 декабря **1543** года. Он велел схватить и отдать псарям на растерзание боярского лидера Андрея Шуйского. Многие «властители» оказались в ссылке, остальные «стали от государя страх иметь и послушание».

Через три года великий князь Московский Иоанн IV Васильевич первым из русских князей венчался на царство, и с **1547** года стал именоваться *царем* всея Руси. Границы его страны на юге доходили до верховьев Дона, на востоке — почти до Волги, на севере прихватывали Новгород, на западе удерживались под Смоленском. Это была территория, достаточная для крупного государства. Но не для царства!

Следует пояснить разницу в чинах и территориях. В Европе в те годы было огромное количество княжеств, королевств, герцогств. Их правители занимали второстепенную позицию в иерархии власти. Высшим уровнем управления являлся и является до сих пор титул императора — повелителя королей, князей, герцогов, графов, баронов и проч. Память о греческих, римских, восточных империях доныне не дает покоя энергичным людям, делающим правительственные карьеры.

Слово «царь» происходит от латинского «цезарь» — император. Понятно, что царское достоинство предполагает строительство империи. То есть, подчинение не только одного, «родного» русского народа, но и других, соседних народов, прозябающих без православной благодати.

Иван начал с мусульманской Казани, которую захватил 2 октября **1552** года после трехлетней кровопролитной борьбы. Таким образом, в **2002** году мы деликатно не заметили 450-

летний юбилей третьего казанского штурма, не стали бить в колокола и обижать жителей нашего правоверного Татарстана.

В третьем походе на Казань заодно с русскими войсками действовали донские казацки ватаги. Вместе с конницей князя Курбского они разбили на Арском поле за Казанью конницу татарского князя Япанчи, а при взятии города, стены которого были взорваны пороховыми бомбами, первыми ворвались внутрь. Существует предание, что Иоанн IV на радостях закрепил жалованной грамотой за казаками «все занятые ими земли». Простодушные разбойнички произвольно распространили царскую милость на все земли, захватываемые впредь.

Вот же бывают люди до чужого добра жадные! На Дону сразу возникла легенда, что атаман Ермак Тимофеевич чуть ли не собственными силами взял Казань и «подарил» ее царю. Есть еще песни, в которых поется, что Ермак «посоветовал царю, как взять Казань». Надо заметить, что никакого Ермака Тимофеевича тогда в атаманах не числилось. Это ему потом чести довели — задним числом, за «покорение Сибири».

Но Казань Казанью, а хотелось чего-то большого и светлого. Например, окна в Европу. С **1554** года начались столкновения с Ливонией. В **1558** году русскими войсками были взяты Нарва и Дерпт.

Следующее десятилетие прошло для Ивана не очень удачно. Из-за смерти любимой жены Анастасии и младенца Дмитрия, из-за врожденной подозрительности и приобретенного в раннем действии комплекса преследования у царя развилась психическая симптоматика, которую честнее всего следует называть маниакальным психозом. По-простому — шизофренией. Последовали тяжкие репрессии среди придворных, массовые казни, смена фаворитов.

В конце **1564** — начале **1565** года Иван Грозный предпринял хождение в народ, и в Москву не вернулся. 3 января **1565** года пришло в столицу «из походу» жесткое письмо. Царь обвинил москвичей во всех грехах и заявил, что решил поселиться, «где его Бог наставит». Так столицей государства на несколько лет стала Александровская слобода (ныне г. Александров Владимирской области).

Была основана опричнина — замкнутая партийная система, отделяющая царя и приближенных «силовики» от народа и гражданской, «земской» власти.

Установив новый порядок, Грозный в начале **1570** года напал на Новгород, формально принадлежавший к числу русских городов, но сохранявший некоторые свободы, и норовивший «зайти за немцев» — призвать европейского князя, ввести «магдебургское право» — демократическое управление. «Казнь новгородская» была ужасна. Людей уничтожали семьями, топили в Волхове, жгли, резали. Большое количество новгородцев разослали по другим городам.

В Москве царь продолжил наведение порядка и 18 августа **1570** года устроил показательную массовую казнь придворной и земской элиты. И до самого конца правления Грозного репрессии волнами катились по Руси.

К началу **1580**-х годов кампания на Западе была проиграна, с Крымским югом установилось равновесие. Компас завоевателя теперь указывал на северо-восток. Там за Волгой до уральского «Камня» простирались неосвоенные земли. А уж за Камнем и вовсе лежала необъятная, немыслимая, бесконечная Сибирь. Как туда идти? — в голове не укладывалось.

Грозный для начала пожаловал лицензию на уральский и сибирский промысел семейству купцов Строгановых, — решил посмотреть, что из этого выйдет? Не опасно ли для здоровья путешествовать в места, столь отдаленные? Остережет ли путника от туземной нечисти крест православный? Можно ли там дышать? Водится ли еда? Пьется ли вода? Нет ли невесомости? Сверху ли небо? Снизу ли земля? Восходит ли солнце из-за всей Сибири или только из-за Камня?

Вот такие были вопросы, и хотелось их прояснить.

Зато будущий владетель Сибири и неисчислимых народов сибирских уж точно мог называться императором!

Пролог. 1536. Москва. Сказка

В сумрачной спальне двое. Мальчик лежит на высокой резной кровати. Женщина сидит в кресле у изголовья. Вечернее время течет медленно, свеча горит ровно.

— Расскажи мне, Графена, о птицах.

— Птицы, батюшка, бывают разные, — начинает женщина, — голуби, воробьи, вороны. Голуби на Русь мудрость и веру принесли. Вот слушай:

«Восходила туча сильная,
Туча сильная да грозная,
Выпадала книга Голубиная,
И не малая, не великая:
Долины книга сороку сажень,
Поперечины двадцати сажень.
Ко той книге ко божественной
Сходилися, соезжались
Один сорок царей со царевичем,
Другой сорок князей со князевичем,
Да сорок попов, сорок дьяконов,
Много люду, народу мелкого,
Христианского, православного,
Да никто ко книге не приступится,
Никто к Божией не пришатнется...»

— Не-е, я эту сказку знаю...

— А что ж ты в ней знаешь?

— А вот: «Ерусалим-град — всем градам отец... Опричь царства Московского»!

— Ох, ты, свет мой, — истинный царь! Самый корень тянешь! — улыбнулась женщина ласково и грустно.

— Лучше ты, Графена, о *русских птицах* рассказывай, — мальчик лег на бок.

— А русских птиц, Ванюша, бывает всего три — Сирин, Алконост да Гамаюн, они нам, русским людям, самые главные.

«Мамка» Аграфена, сестра фаворита царицы Елены боярина Оболенского-Стриги поправила подушку, подоткнула одеяло у ног мальчика и стала медленно, туманно выводить сказку, почти петь.

«Птица Сирин, как дева крылата.

Поглядит на тебя — залюбуешься,

Запоет тебе — задивуешься,

А крылом взмахнет — за собой сведет...»

— Как русалка?

— Как русалка.

«А друга-то птица добрая — Алконост.

Как падут на Русь годы грозные,

Да найдут на град люди черные,

Да нахлынут на брег воды темные,

Да и муж жену побивать начнет,

То снесет Алконост яйцо малое,

Яйцо малое — золоченое.

И зароет яйцо да под горенку,
Да под лесенку и под спаленку,
Так и муж с женой поцелуются,
Помилуются да помирятся,
Не на шесть часов — на шесть месяцев,
На шесть месяцев со неделю.
А зароет яйцо во сырой песок,
Во сырой песок моря бурного,
Так и море то успокоится,
Успокоится да разгладится,
И уляжется не на шесть недель,
А на шесть годков с половиною.
А зароет яйцо посередь двора,
Да у терема государева,
Так минует Русь лихо черное,
Не на век минет, а на шесть веков!»

— Не хватит яиц, — сонным голосом пробормотал Ваня.

— Как, не хватит? — встрепенулась Аграфена.

— На всех не хватит, — на мужа, на жену, на море, на царя, на Русь, на меня да на тебя.

Иль тебе не нужно?

— Нужно, сударь, ох, нужно! — задумалась девушка, пришлось Ване ее в бок толкнуть:

— А Гамаюн?

— Гамаюн птица веселая, про нее на ночь сказывать нельзя, не уснешь.

— Ну, скажи, хоть немножко, как ее вызвать?

— Ее не зовут. Она на Руси всегда рядом, невидимо летает. Как где выпьют меда сыченого да вина зеленого, так и запоют да запляшут. Это Гамаюн чудит. Он и пьяного развеселит и трезвого обнадежит. Пока Гамаюн по-над Русью летит, земля наша стоит. Стоит, не клонится.

Глава 1. 1547. Москва. Бесы

Государь и великий князь всея Руси... — тут бы следовало привести полный его титул, но этим мы займемся позже, сейчас недосуг, — Иван IV Васильевич был одержим. Одержим — не идеей мировой революции, не любовью к нотр-дамской проститутке, а обычными, родными нашими, православными бесами.

Если отцы святые прочтут, паче чаянья, эти строки, надеюсь, они не очень-то обидятся на меня. Ведь не может Бог быть православным, а Бес при нем, наоборот, католическим? Должна соблюдаться диалектическая пара? Наши бесы честно выслужили себе место в российской соборности. Можно сказать, они вынесли на своих щетинистых плечах все наши колымские плевки и надругательства, таскали для нас каштаны из адского криворожского огня, упирались рогом на безбожных бамовских новостройках, прочерчивали остроносими копытами генеральную линию, вытягивали по ней длинным хвостом наш паровоз в направлении коммуны небесной и затыкали свиным рылом прорехи нашей нравственности.

Таковыми патриотическими ликами наполнялись дни и ночи великого царя.

Бесов было двое. Бес Большой и Бес Мелкий. Далее мы будем иногда прибегать к сокращениям ББ и МБ, чтобы не сбивать с ритма нашу прозу, которая так же обязана подчиняться некоему размеру, как и поэзия.

Иван не сразу олицетворил, не враз опознал своих бесов. Поначалу непонятно было, кто толкает его под локоть сбросить кошку с кремлевской стены или громить с замоскворецким хулиганьем еврейские лавки в Китай-городе. Думали, это — от избытка детской энергии. Когда ночной страх ледяной вилкой ковырял детское сердечко Вани, и гусиная кожа до судорог стягивала живот, считалось, что это нянька Аграфена виновата со своими сказками.

Ну, и время тогда беспокойное было, могли бояре Ивана совсем извести. Тоже было чего бояться и от чего чудить.

Но вот, наконец, венчаясь на царство в январе **1547** года, Иван проговорил в Успенском соборе что-то об избавлении от лукавого и оставлении нам грехов наших. Тут сразу и началось. Весной непонятно почему, но уж не по Божьей воле! — оторвался в нижней звоннице Ивана Великого и лопнул от удара большой кремлевский колокол. 21 июня загорелась вся Москва. И не лачуги задымили убогие, не пьянь в кабаке коптилку сальную опрокинула, а вспыхнула сама собой на глазах у богомольной публики маковка главного на Руси, венчального Успенского собора. Запылало все вокруг. За огнем пришел бунт, узналось о колдовстве, и толпа обступила пристанище царя-погорельца на Воробьевых горах. Стали права качать, грубить, грозиться. Иван оцепенел. Детский ужас восстал из небытия и заскреб когтями по стеклу его памяти. Казалось, выхода нет. Сейчас эти черные, злобные люди поднимут парня на вилы, порвут на куски.

И тут из приоткрытой двери дворцовой дачки вылез Мелкий Бес. Пританцовывая, вышел на крыльцо, обозрел вопящую толпу и оборотил смешную, усатую рожицу с розовым пяточком на Ивана. Бес, — всего-то в аршин вышиной, — скрестил козлиные ножки с золочеными копытцами, и, опершись для устойчивости на пружинистый хвост, открыл рот...

И стало тихо! Нет, толпа не перестала бесноваться, горластые мужики в первых рядах все так же злобно разевали щербатые рты, цыганистый толстяк по-прежнему колотил обломком бревна в перила. Но звука не было! Беззвучно сыпались из свинцовых переплетов цветные сирийские стекла, безмолвно бурлило людское море, не слышно было даже привычного шума деревьев.

— А ты их, Ваня, казнить не пробовал? — спросил с доброй улыбкой Мелкий Бес. Так заботливый доктор спрашивает у испуганного ангиной больного о действенности малинового

варенья. — Вон, гляди-ка, цыган разыгрался! — вели ребятам его приколоть. Да-да! Прямо сейчас!

И когда цыгана с разрубленной головой и волочащимися кишками сбросили с крыльца в толпу, народ подался назад, по-настоящему замолчал, замер с раскрытыми, но безгласными ртами!

— Вот видишь, — развел лапками МБ, — всего и делов!

Иван смирился с Мелким Бесом, привык к нему, как к дворовому щенку или комнатному котенку. Бес не слишком докучал ему, но и всегда был тут как тут.

Хуже стало потом, через 12 лет. Умер младенец Дмитрий-первый, в конце **1559** года расхворалась и скончалась любимая жена Настя Романова. И возник Большой Бес. Страшное, огромное, темное чудовище являлось неожиданно, заполняло собой все пространство, каким обширным оно ни будь, — хоть с каморку, хоть с Соборную площадь. Большой Бес и морды-то не имел. Он был, как печной чад, как гарь московского пожара, — удушлив, безысходен, горяч. Он не говорил понятных слов, но сжимал сердце ужасом, гнал прочь от людей, или наоборот, сковывал, вдавливал в тронное кресло, в деревянное сидение царского места справа от алтаря. Большой Бес не стеснялся церковных святынь и реликвий, не сучил ножками, как МБ, у входа в дом Божий. Он обволакивал своей шерстью Ивана, придворных, семью царскую и у трапезы, и среди литургии, и в крестном ходе. Иван не мог бежать, придавленный Большим Бесом. А люди вокруг щерились бесовскими улыбками, сжимали свой тесный круг. И тогда спастись от них можно было только казнями, травлями, тайным убийством.

Мелкий Бес тоже не чурался живодерни, но и здесь старался облегчить душевный гнет, снять с пациента смертную дрожь. Сквозь вой и хрип Беса Большого, когда, например, старого князя Хворостинина, героя многих войн, заволокли на помост, и когда голова его, зевая, скатилась под ноги жены, следующей за мужем на плаху, МБ тормозил заледеневшего Ивана дурацкой шуткой:

— Велел бы ты этой свинье бантик повязать, а то, что ж она у тебя без бантика?

Когда жуткой весной после смерти Насти отправляли на смерть князя Дмитрия Курлятьева с женой и детьми, Мелкий Бес прострекотал чечеткой у Ивановых ног и пролепетал сквозь расступившийся кровавый туман Красной площади:

— А вон того мальчика, Лариошку, ты, Ванечка, оста-авь! Он тебе сгодится, успеешь погубить — глядишь, и с пользой.

И мальчика сразу потащили с саней и отвели в богаделенку при дворце, — Иван не помнит даже, чтобы вслух приказывал.

Вот еще недавний случай. Воротясь в **1577** году с Ливонской войны, государь, разнимаемый Большим Бесом, вздыбил «шестую» волну расправ. Среди прочих злодеев, изловленных для казни оказались книжники — игумен псковский Корнилий да ученик его Вассиан Муромцев. Умертвить их было необходимо как можно скорее, ибо ужас входил в Ивана из их спокойных, блестящих святостью глаз. Но Мелкий Бес уперся.

— Нельзя казнить сих честных людей, как простых воров. Они достойны смерти ученой!

Пришлось Ивану еще несколько дней трястись, пока мастера Кукуйские соорудили давилню, какие для книгопечатанья употребляются, только великую. Обоих злодеев под нее положили, да и стиснули винтом в бумажный лист!

Но Бесу все мало. Вот волокут мздоимца, алчного корыстолюбца — архиепископа новгородского Леонида.

— Рвать псами собаку! — кричит Иван сквозь багровую пену, — посмел церковь, дом Божий позорить, люд скромный обирать, от Господа отвращать!..

Но не тут-то было!

— Сто-ой, — тянет Мелкий Бес, — думай, что говоришь, Василич! «Собаку — псами!», — это у тебя не казнь, а собачья свадьба получается. Вора как зовут? Леонид — лев! Таковым

его и следует представить, вид приличный придать. А ты кричишь: ату! — рвите Льва! — а псы смотрят, озираются — никакого льва и нету. Вели его в львиную шкуру зашить. Пущай собачки наши научаются на крупного зверя!

— Да где ж я тебе львиную шкуру возьму? — стонет Иван в пустоту. Зрители трясутся: опять царь сам с собой разговаривает!

— Ну, как знаешь, — соглашается МБ, — зашивай в медвежью.

Зашивают архиепископа в медвежью шкуру, в нос вдевают кольцо, водят на задних лапах по кругу, травят собаками. Вот! Совсем другое дело получается! Собаки уверенно кидаются на зверя, умело рвут дичину, аж клочья летят. И уж от растерзанного трупa отбегают прочь. Мясо у медведя какое-тодохлое оказывается.

С особым шиком кончал царь разбойников. Прочитали ему как-то книгу немецкую, печатную, что римский император Август казнил своих воров не просто так, а в театре. Подбирал для них подходящий сюжет. Например, Икаром злодея оденет, крылья ему пристроит да на веревке отправит в полет над зрителями. А над серединой площади веревка возьми да оборвись! Вот Икар и шмякнется о камень. Кровь — лужей, крылья белые сломаны, в крови мокнут, кости в разные стороны торчат, — красота! Или устроит разбойнику «Гибель Геракла». Обольет его маслом горючим, даст в руки факел, и травит героя Немейским львом или Критским быком. Хочешь, бейся, хочешь, запали себя факелом, да и отдыхай. Все «гераклы» так в конце концов и поступали.

Хотелось и Грозному римских тонкостей. Вот и стал он речных разбойников «морским боем» казнить. Привяжет злодеев в лодке и спускает по Москве. А напротив Кремля их уж государево войско в стругах поджидает. Начинают друг в дружку палить. Только воров чистым дымом плюют, а царевы люди ядрами да каменной сечкой огрызаются. А под конец закидают воровской корабль горшками с горящим маслом и смотрят, как воров огненную кару принимают. Народ московский тоже на берегу стоит, на кремлевской стене толпится, любит.

А ведь было за что речных лиходеев и жечь. Не стало от них ни проезда, ни проплыва. Волгу-матушку, главную реку русскую, и ту под себя подгребли. Вот, смотрите.

Глава 2. 1570. Волга. Братство Кольца

Повадка волжская в полной мере использовала выгодный природный ландшафт и законы гидродинамики. Она в то время была такова.

Рассмотрим сначала ландшафт. Основное гнездо бандитское находилось на том самом месте, где сейчас благоухает город Самара. Не очень-то удачно его разместили, надо сказать. Теперь с преступностью там вечные неприятности происходят.

Река Волга в тех местах спускается с севера, потом резко заворачивает налево, потом направо, идет по часовой стрелке и возвращается в точку первого поворота, на пару верст не дотягивая замкнуть кольцо. Потом снова срывается на юг, соорудив круглый полуостров. Можете сами посмотреть на этот завиток, он такой же, что и 400 лет назад. Только размеры его поменялись.

В те экологически чистые годы, задолго до азартного гидростроительства Волга была намного полноводней. Сейчас она подседа, и разбойничий полуостров имеет поперечник около 60 километров с перешейком в 12 километров. А во времена Грозного параметры были другие: 20 верст поперек и 2 версты перешейка. Весной из-за разлива перешеек сужался до нескольких сот сажень, покрытых кустарником и кривыми, коряжистыми деревьями. Намного живописнее там было, чем сейчас. Давайте туда вернемся.

Итак, имеем речную петлю, в восточной части которой в Волгу врывается безымянная речка (ныне — р. Самара), а в правой, западной части имеется упомянутый сухопутный переход на большую землю. Все это очень удобно для наших водных процедур.

Природный феномен эксплуатировали три дружественные бригады. Командовали ими три друга, три названных брата Иван Кольцо, Богдан Боронбош, да Никита Пан.

Первая шайка гнездилась на северном берегу перешейка. Ее атаман Богдан Боронбош раньше был запорожским казаком. Вообще-то, его настоящая «фамилия» была Барабаш, — вполне библейское слово, производное от «Барабас» или «Варавва». Так звали разбойника, любезно уступившего Христу место на кресте. Варавва выступил в роли козла отпущения, и эта фигура — бандит, обретший свободу, — донныне популярна среди братвы и священнослужителей. Богдан так и носил бы славное имя, если б не попал в переплет.

Однажды казачья ватага, в которой был и Богдан Барабаш, разбила крымский обоз. Две арбы добычи казаки, не разбирая, погнали в Сечь. Имелось бы время, они бы с чувством и расстановкой перебрали товар, но теперь задерживаться не приходилось, — на горизонте мельтешило, могла погоня нагрянуть. Но Бог миловал, добрались до перевоза. Когда перегружали добычу в лодки, среди прочего на дне арбы нашелся ящик — не ящик, сундук — не сундук, и тащить его досталось Богдану. Богдан накануне был ранен в голову, татарская сабля рассекла ему переносицу, но хотелось помочь друзьям, и бинтованный Богдан ухватил ношу поперек. В ящике аппетитно звякнуло. «Цэ ж гроши!», — легко определил Богдан.

На острове Хортица, на Сечевой стороне казаков встретили гетманские люди, приняли добро. В том числе и денежный ящик.

В Сечи был закон: что захвачено не в одиночку — дели на всех. Однако, когда вечером того же дня гетманский писарь читал реестрик добычи, ящик тоже прозвучал, но не звонко, а гулко: «Кутийка порожня».

«Як порожня? — выскочил Богдан. От винного отдыха и полученной раны он потерял сообразительность, — як порожня? Там грошив с полпуда було!».

— А раз «було», так куда ты их, пан Барабаш подевал? — поинтересовался писарь. И не успел Богдан перекреститься, как оказался в яме под корнями спаленного дуба.

По протрезвлению состоялся суд чести. Особенно горевал о ее «порушении» писарь. Он чуть не виршами страдал на кругу и выписал Богдану полное удовольствие, чтоб не совал

свой длинный нос в войсковой карман. По приговору должны были вырвать казаку ноздри, но вышло неудачно. От позавчерашней сечи нос у Богдана держался еле-еле. Поэтому, когда гетманский кат Юрко рванул ноздрю щипцами, нос отделился вовсе.

С тех пор Богдан обиделся на Сечь Запорожскую и при первом удобном случае бежал на Дон и Волгу.

У Кольца Богдан Барабаш появился с черной повязкой на бывшем носу и представлялся гнусаво. У него выходило то Борбонш, то Боронбош, то еще хуже. Бандитский поп Святой Порфирий по пьянке шутил, что нос Богдана «отпущен» во искупление грехов. А Иван Кольцо успокаивал казака, что сделает ему нос золотой. Или серебряный — по выбору.

Вторая группа наших умельцев располагалась в устье Самары на середине кольца. Ею командовал Иван, в прошлом московский карманник, получивший кличку по открытому им речному рельефу.

Третье подразделение возглавлял новгородец Никита Пан. Его сорок разбойников отдыхали на южном берегу перешейка.

И вот, к примеру, караван купеческих лодок плывет от Казани на Астрахань. Груз — мануфактура, галантерея всякая, изделия народных промыслов. Вереница судов начинает движение по кольцу с длиной окружности в 60 верст. Если караван податливый, без пушек, воинского конвоя, то его сразу забирает северная бригада Боронбоша. Если караван мощный, то его либо пропускают, либо откусывают от него хвост. В любом случае посыльные Боронбоша скачут на две стороны. Один несется галопом строго на восток, продельывает 20 верст, и с высокого берега подает дымовые знаки наблюдателям Ивана Кольца, притаившегося в устье Самары. Второй гонец лениво, иногда пешком тащится на юг и сообщает разведданные или результаты первого столкновения братишкам Никиты Пана.

Караван тем временем преодолевает полукруг в 30 верст и оказывается в зоне жизненных интересов Ваньки Кольца со товарищи. Банда Ивана вылетает на одномачтовых чайках, берет караванщиков на абордаж, грабит, топит, куражится на всю катушку.

Следует отдельно описать приемы работы Ивана Кольца. Ванька выезжал «из-за острова на стрежень». Вы думаете, об этом в песне для рифмы поется? Что Стенька Разин выплывал на стрежень для утопления княжны? Заблуждаетесь, дорогие! Тут мы переходим ко второй части нашей лекции — особенностям использования законов гидродинамики при речном разбое.

«Стрежень», это линия наибольшей скорости речной воды, приблизительно соответствующая фарватеру, промывающая его. При столкновении «стрежней» сливающихся рек — Арагвы и Куры, Волги и Самары, Миссури и Миссисипи часто образуется стоячая волна. В принципе, это могут быть стрежни двух протоков одной и той же реки, огибающие разинский остров.

Купец традиционно прет по более широкой воде, — боится берегов. В устье узкой протоки или притока его караулит наш Стенька, то есть — наш Ванька. Приток в данном случае — речка Самара.

Караван несется по стрежню, здесь его сбивает вбок струя из притока. Она обычно более быстрая и резкая. Корабельный порядок на несколько минут расстраивается, и тут на него с приточной струей внезапно налетает наш Иван. Времени на подготовку к отражению такой атаки у мирных водоплавающих нету. Пушки заранее не заряжены, чтобы порох не раскис от сырого речного воздуха, брызг и т. п. Мортирка или кулеврина корабельная заряжается минуты 2—3. Ивану этого времени вполне хватает, чтобы подъехать на вороных. А уж в ближнем бою, — сами понимаете!

Если караван тащится снизу, то наскок выходит и вовсе мгновенным. Так что, выскакивать из-за острова на стрежень очень выгодно в нашем разбойном деле.

Итак, дело это сделано.

Те купцы, которым удалось-таки прорваться на юг, думают, что спаслись промыслом Божиим. Напрасно. Против нашей троицы обычный рыбный промысел бессилен. Остатки, сплывающие по течению, легко подбирает Никита Пан. Он просто с расprostертыми объятами караулит странников на середине фарватера. Вот же сказал господь наш Иисус Христос ученикам своим, рыбакам Андрею и Петру: «Были вы ловцы рыб. А я вас сделаю ловцами человеков». Так что Иван, Богдан да Никита Пан четко по учению работали. Проверим еще раз божий завет.

Вот караван идет с юга, против течения. Тогда ему еще хуже приходится. Во-первых, скорость ниже. Во-вторых, груз тяжелее — сельскохозяйственная продукция, полезные ископаемые, прочие астраханские и заморские грузы. Операция повторяется в обратном порядке: Пан — застрельщик, Иван — налетчик, Богдан — чистильщик.

Вечером трудного дня братва собирается в центре своего полуострова, в специальной зоне отдыха. Тут, конечно, происходит честная дележка на троих, шашлык жарится, вино пенится, девки пляшут вокруг костра. Хорошо!

Иван Кольцо, Никита Пан и Богдан Боронбош очень довольны были своим совместным предприятием. Теперешние самарцы горько завидуют трем богатырям, ибо слабо им всю Волгу контролировать! Друзья мечтали по-научному усовершенствовать бизнес. Был у Пана блестящий проект. Собирался он прорыть через перешеек тоненькую канавку — в сажень шириной. Теперь смотрите. Перепад высот между началом и концом канавки — такой же, как у Волги в начале и конце кольца имени Ивана Кольца. Но сечение канавки — незначительное. Следовательно, скорость потока в ней может достигать просто горных величин. Воистину Арагви! Теперь, если в верхней точке сделать плотинку и открывать ее по праздникам, когда купец на горизонте, то можно:

- а) уволакивать в канавку отстающих путников;
- б) вылетать на стрежень еще и у Никиты Пана;
- в) стремительно драпать в случае чего.

Но мечты мечтами, а жизнь поворотилась неожиданным боком.

Глава 3. 1570. Волга. Дипломатическая неприкосновенность

«В **1570** году казаки Ивана Кольца, Богдана Борбонша и Никиты Пана ограбили на Волге у самарского устья ногайских послов и русского боярина Василия Перепелицына» — это из летописи. И надо же такому случиться, что через 9 лет Перепелицын встретился казакам в чине Пермского воеводы! Возник затяжной конфликт. Но Перепелицын сам виноват, зачем он тогда с ногаями связался? Вот его история.

Боярин Василий, мужчина средних лет, в расцвете карьеры не брезговал выездной службой. Куда царю вздумается, туда он с охоткой и едет. Пока он в командировке трудится, московские сидельцы вкушают столичные увеселения — казни, травли, ссылки и прочие представления Большого (Беса, конечно, а не театра).

В тот раз Василий согласился поехать к ногаям. Ногаи — это население погибшей Хазарии, древней страны у нынешнего «слияния» Волги и Дона. Они несли в себе пестрое разнообразие тюркских, южнославянских, индо-цыганских хромосом, обильно обрызганных татаро-монгольским навозом. Ногаи были питательной средой, из которой выросло среди прочего и наше южное, донское казачество.

Миссия Перепелицына легла удачно. За ее срок (весна-осень **1570** года) на Москве произошло немало чудес. Когда в сентябре **1569** года Грозный повелел Перепелицыну быть готовым с весны ехать на юг, везти жалованье ногайским кочевникам-пограничникам, никакого жалованья у него еще не было. Но Грозный смотрел вперед. И пока боярин Василий готовил экспедицию, подыскивал переводчика, выбирал корабли, Грозный ушел с отборным опричным войском на Новгород. Всю зиму в бывшем вольном городе шли массовые казни и погромы, горели кварталы и улицы. Ну, и конфискации, конечно, свершались поголовные.

Перепелицын, занятый делами, к новгородскому геноциду оказался непричастен, и остался как бы чист перед русским народом.

Задача Перепелицына была сложной. Следовало уговорить ногайских ханчиков, если не присягнуть Иоанну Московскому, то хотя бы заключить договор о ненападении и совместных действиях на южных подступах к Московии. Конечно, иметь таковые заверения за телегу серебра и тканей получалось легко, но надежны ли покупные слова?

С первым новгородским обозом прибыли в Москву телеги награбленного золота-серебра. Из этих телег по государственной записке было отсыпано условное число монет и отвешен вес ценной посуды. Василий все это упаковал, сложил на корабле и убыл по первой воде, благо весна в том клятом году была ранняя. В дороге Василий мучался поносом, геморроем и кровавыми соплями, но, как оказалось, это были пустяки. Потому что, например, проплывая в конце марта по самарскому Кольцу, и проскакивая среди льдин мимо Богдана-Ивана-Пана, Василий еще не знал, что в этот день практически все боярство московское сходилось под конвоем в кремлевские казематы. И мало кто оттуда потом пошел по домам, а не на Красную площадь для последней демонстрации. Государю, вишь ли, нашептал некто Большой и косматый, что бояре сплошь поражены грибком государственной измены.

А 18 августа, когда Василий, облегчившись у ногаев от кровавого серебра, всходил на борт своего флагмана и отчаливал обратно, и когда его лодки загружались под завязку всяким неучтенным добром, а послы ногайские усаживались в особое судно для официального дружественного визита к северному царю, сам этот царь моржовый пребывал в холерической лихорадке. Глаза его страдали особым дальтонизмом, — они видели все только кроваво-красным на черно-закопченном. Дыхание Грозного было судорожным, а сердцебиение — неопределенным. Поэтому бояре московские, — виновники этих хворей восходили на дощатые помосты

и каменные ринги. Неумное их добро свозилось в Кремль. А сами они усаживались на кол, в котел, на колени перед плахой. Так что, Василий удачно из Москвы отлучился!

Удачно, да не совсем.

Переговоры его прошли успешно, помог военный случай. Оказалось, что, пока весной Препелицын толкался среди льдин в устье Оки, донские казаки напали на ногайскую столицу Сарайчик и «не токмо людей живых секли, но и мертвых из земли вырывали и гробы их разоряли». Теперь от такой напасти ногаи готовы были хоть в холопы к царю записаться.

Но на обратном пути безнаказанно проскочить Самару Перепелицыну не удалось. Пан увязался в кильватер и с одного залпа утопил плоскодонку хвостового конвоя. И пока внимание убежавших было направлено назад — на Пана, Иван Кольцо спокойно поджидал гостей прямо на середине реки, выстроив восемь чаек в линию — носовыми пищалями по течению. Иван так нагло выехал, потому что посольство Перепелицына еще с весны было посчитано и запланировано, а увеличения конвойных войск в караване не наблюдалось. Стрелять и рубить Ивану почти не пришлось. Заартачились только ногайские лучники. Их перестреляли из пищалей. Остальных уговорили сдаваться добрым словом да ласковой улыбкой. Обычно при речных стычках в живых никто из мирных не оставался. Но сегодня жертв среди кольцевых братьев не было, солнце светило ярко, настроение было прекрасное, и Кольцо душегубствовать не стал. Все мирно причалили к полуострову и побрели в лагерь.

В общем, из трех товарищей поработать пришлось только двоим. Богдан даже хотел обидеться, что ему дела не досталось, но после шашлыка из ногайских баранов обида эта куда-то убрела в пьяном виде.

Тут, под хоровые стоны мне вспомнилось еще одно полезное свойство самарского Кольца. Отходы трудовой бандитской деятельности — щепки лодок, обрывки окровавленных парусов, трупы пострадавших дипломатов и негодантов великая река тщательно смывала в каспийский унитаз. Снова чисто и тихо становилось на Волге.

В этот раз было взято много пленных. Из них двадцать человек ногаев, которые вовремя бросили оружие, отправились на левый берег для обратной пешей прогулки без верхней одежды. Штук сорок православных душ погостили на острове два дня и удалились через перешеек в материковую Россию. Тоже не в кафтанах.

Посол государев, боярин Василий Перепелицын задержался, однако, в гостях до холодов. Жилось ему с бандитами скучно, и они этого решительно не понимали.

— Чего ты, Васька, такой хмурый, — говаривал Никита Пан, самый веселый из нашей тройки, — поехали с нами купца бомбить! Знаешь, как здорово, особенно в первый раз. Иголки в пятки покалывают, мурашка крупная по спине бежит. Сердце бьется, как на первом свидании с женским телом! Поехали, не пожалеешь!

Но Василий не ехал и безвыходно грустил.

— Ты, бдат боядин, хоть вида выпей, а то помдешь, — сочувствовал Богдан Боронбош.

Освободили Василия не вдруг, а по дипломатической необходимости. Собственно, для этого и берегли. В этом году разбойникам до зарезу нужно было попасть на осеннюю Казанскую ярмарку. В их шалашах скопилось столько ненужного барахла, что хотелось сбыть его оптом. Нужны были также всякие ярмарочные мелочи. Приходилось рисковать. И чтоб спокойнее появиться в Казани, чтоб иметь от всяких случайностей хоть малую защиту, потащили на ярмарку государева человека Василия. Впрочем, воспользоваться им не пришлось. Никто из наших не попался страже, никого не продали свои, не опознали чужие. Все дела были сделаны, хабар продан четырьмя лодками без разбору, куплен порох, изделия из стали и свинца, ну и по мелочи кое-что присмотрели, чего купцами «на дом» доставлено не было. Основным итогом заезда в Казань стал небольшой бочонок серебряных монет, вырученных за оптовое барахло.

Когда отплывали вниз по реке к родному кольцу, попрощались с боярином Василием, наделили его мелочью на дорожку, просили не поминать лихом и передавать привет дорогому нашему вождю, Ивану Васильевичу.

Перепелицын и передал, как следует. Разукрасил, конечно, свой подвиг выживания, краше страстей Господних. А что? Нужно ж было как-то от грозного гнева увильнуть?

Получилось! Василия милостиво похвалили и вскоре пожаловали «пермским кормлением». А кому еще можно доверить столь сложный регион, как не истребителю разбойников?

Ивана-Богдана-Пана тоже без внимания не оставили. Во-первых, на них было заведено розыскное дело. Во-вторых, не терпя до поимки, царь заочно приговорил их к смерти. Какой? Поймаем, видно будет!

Глава 4. 1578. Дикое Поле. Выкуп

Слякотным августом 1578 года по донской степи тащилось Великое посольство сына боярского Матвея Юрьева, верного раба царя Московского и всея Руси. Великим оно называлось по чину, а не по числу или значению. Посольство возвращалось из Крыма, с которым уже пять лет не было войны, а были одни только пересылки. Посольская кибитка везла самого посла и его секретаря, дьяка Вдовина. Второй экипаж — простая телега — тряс дорожную провизию да баулы с барахлишком. Дары Крымского хана государю Московскому были скромны — всего блюдо да сабелка, так иных телег и не понадобилось. Ну, еще четверка посольской охраны хромала на усталых лошадях.

Посольство проехало казачью столицу Верхний Кагальник, где гостило два дня. Посол пытался завести с казачьей старшиной речь о смирении и крымском беспокойстве, но без царской грамоты, без жалованья, без серебра и злата старшина сказала непонятливой. Не хотели казаки обходиться без грабежа, не могли пропитаться без наездов на Крымские улусы, без дерзких налетов на корабли. Землю пахать им нелепо было. Разговора не получилось, и теперь послы ехали без обещанной казачьей сотни. Какая там сотня! Тронулись за послом пятеро худых казакишек, да и те после первого привала потерялись.

Опять начался дождь, хлынул ливень, и сначала потемнело, но сразу мрачное небо осветилось, загорелось; страшные, резкие удары потрясли воздух, молнии расчертили пространство над головой, и стало понятно, — это конец! Не может человек, мелкая тварь Божья, пыль под Его ногами уцелеть, не сгореть, не раствориться в потоке небесном!

Вот взорвалось совсем рядом. Посол — бывалый воин — не раз слышал пушечные залпы, не раз пушки и разрывало за его спиной! — но такого треска, такого шипения и свиста, казалось, — в самой голове, не доводилось слышать и ему. Видно, силы небесные и подземные схватились, ударились друг о друга и перетирают несчастную землю своими жерновами.

Вспыхнуло одинокое дерево. «Мокрое, а горит!» — ужаснулся дьяк. Справа открылся покатый овраг — балка. Туда понеслась против воли коней и возницы на скользких колесах кибитка, а телега увязла в русле ручья, который, не поймешь откуда, появился у нее меж осей. Посол вжался в угол и стал, криво и мелко крестясь, вспоминать родных вперемешку со святыми. «Спасусь, сам спасать буду!», — клялся среди молитв.

И вдруг все прошло! Дождь перестал. Солнце вспыхнуло огромной шаровой молнией и теперь рассматривало учиненный в его отсутствие погром. Посол перекрестился еще раз, уже твердо и широко.

Но не посольская молитва была причиной счастливых перемен, не обет спасения изменил погоду, не вопли упавших в грязь охранников, не скулеж дьячка. Бессильны столь слабые голоса долететь до небес! Просто небо и недра закончили быстротечную битву, о чем-то договорились и помирились. «Обошлись без послов», — пробормотал дьяк.

Стали вытаскивать кибитку на дорогу. Но кони вязли в глинистом уклоне, густая трава, взмыленная дождем, скользила под сапогами, и люди быстро изнемогли. Нужно было ждать, чтоб хоть чуть просохло.

Из-за бугра показалась телега. Два могучих быка волокли ее медленно, но неуклонно. Казалось, они не замечали воды под ногами, а правый бык и вовсе равнодушно жевал. Ездоки — два крепких казачка — сидели в телеге, накрывшись рядом. Видно было, что они и в грозу не ступали на землю, ленились облегчить быков. «Таких бы коней, да в сани, вот и грязь не страшна», — подумал дьяк.

Телега приблизилась.

— Здорово живете, люди добрые, — крикнул дьяк.

— И ва-ам не пропа-асть, — равнодушно протянул старший казачок.

— Не пособите карету выправить?

— Не-е, нам нельзя-а.

— Чего ж нельзя?

— Лиходе-ея стереже-ом.

Тут посольские разглядели содержимое телеги. На дне под мокрой ряднушкой лежал большой серый ком. Его можно было принять за станичный чувал — пудов на шесть пшеницы, когда б не грязные связанные ноги и не черная обросшая голова.

Пришлось дьяку обольстить стражу баклажкой крымского вина да шматком кагальнического сала. Тогда уж всем миром навалились на кибитку. И опять не вышло. Не шла в гору чертова колымага! А сводить к ней других лошадей посол не дозволил, побоялся. Достали обещанную баклажку. Сели ждать еще.

— А не взять ли на подмогу вашего лиходея? — придумал дьяк.

— Не-е, убежи-ить, стра-ашен бо-ольно, — неохотно тянул старший.

Дьяк продолжал подливать крымское и разговорил-таки казаков.

Оказалось, они везли пленника в Кагальник. Звали лиходея Ермошка. Сей разбойник был объявлен в розыск на Большом Кругу за воровской промысел и злодейский умысел. Промысел состоял в обычном морском грабеже, которого и старшина не чуралась, но умысел был и верно злодейским. Минувшей весной Ермошка с небольшой ватагой на двух чайках перехватил среди гнилых протоков донского гирла двадцативесельную азовскую галеру. Турки завидели Ермошку издали, — летел он по ветру, не скрываясь и не снижая паруса. Боя басурмане убо-ялись, ибо сил Ермошкиных не сочли. Галера завернула в боковую протоку, хотела ускользнуть, затеряться, переждать, но напоролась на корягу и крепко села в песок. Тут и Ермошка подлетел. Турки огрызнулись, но не осилили. Частью полегли, частью рассеялись в зарослях чакана. Их и было-то с десяток, а прочие обитатели галеры на месте остались — гребцы цепные, прикованные.

Ермошка принял немалый груз, гребцов расковал, галеру спалил да и убыл вверх по Дону. Убыл с деньгами, зипунами, ятаганами да пищалями. Да с полусотней друзей верных. Атаман!

И надумалось Ермошке вправду атаманом заделаться. Тут и место освободилось по хмельной болезни. На Троицу в Кагальнике собрали Круг. Вышел в Круг Ермошка, поклонился старшине седобородой и заявил себя в атаманы.

Загудел Круг, зашумели казаки — кто сердито, кто одобрительно: хоть и молод Ермошка, да не хуже других.

Но старшине такой поворот не понравился. Не любо им было выбирать Ермошку — с дерзким глазом да быстрым скоком. А хотелось выбирать, кого следует, от кого подарков, питья да закуски впрок наготовлено. Так и крикнули старики «не любо», а чтоб остальные помалкивали, прочли за Ермошкой изменное дело. Будто он у басурман серебро взял за указ дороги на Кагальник. А то они ее и сами не знают.

От такой клеветы Ермошка задохнулся и онемел. Не мог ни слова молвить в оправдание, ни кликнуть боевых товарищей. И хотели Ермошку прямо на Кругу вязать, но отбилась богатырь, ускакал в степь.

Стал Ермошка на старшину саблю точить, да не доточил! Выдали его верхнедонские станичники, послали за крепкой стражей в Кагальник.

— Начто послали?

— На суд ско-орый, на смерть лю-утую! Спросить с него нечего — в немоте прибывает, а казнить — легко-о!

Тут и подсохло.

Пока казаки да охрана кибитку наверх толкали, дьяк пересказал послу Ергошкину беду. Подошли казаки забрать баклажку недопитую, а посол стал у них лиходея торговать. Не забыл обет грому-молнии!

Рупь давал посол, да не приняли.

И алтын давал, не берут никак.

А подал посол мелку денежку,

Золотой ярмачок хазареевский,

Не сдержались, согласились!

Кибитка поехала дальше, телега с Ергошкой и другой поклажей потянулась следом, дорога теперь была легка, солнце светило во все дни. Так и доехали до Волги. А тут уж и попутные купцы астраханские сыскались. Поплыли весело и невредимо — вверх до самой Казани.

Глава 5. 1581. Москва. Ведьма

На Златом крыльце сидели:

— Царь — Иван Васильевич Грозный;

— царевич — сын его, Иван Иванович;

— еще несколько видных мужчин в разных чинах;

— и двое невидных, точнее, невидимых: один не совсем человек, но совсем бесчинный — с рожками позолоченными, и второй, безрогий — ваш покорный слуга.

Царь сидел на златом крыльце для думанья думы. Думалось ему, что восседает он Божьей волей наверху дворцовой лестницы, а люди его верные по площади бегают, суетятся. Для него, государя, трудятся. А напротив него — колоколенка, ох, не маленька! И как скажет царь, пожелает чего, так на всю-то Русь — главный колокол! Хорошо!

Хорошо-то, хорошо, только дальше дума невесело заворачивала.

Поглядишь под леву бровь — ничего, Успенский собор. Венчанье на царство, свадьбы, пасхи да праздники.

А уж под праву бровь, хоть и не гляди, — собор Архангельский. Все могилы бессчетные. Бездонные да безмолвные.

Грустно было и от бессилия. Прошлогодня кампания не задалась. Польский король Стефан Баторий захватил Полоцк, Курляндию, полсорока городов в Ливонии. И хотел теперь Ливонии всей, Новгорода, Пскова, Смоленска, Великих Лук. Хотел-то на бумаге, а войну не прекращал, и пока бумага добиралась до Москвы, взял и Великие Луки, и Торопец, и Невель, и Озерище с Заволочьем. Холм взял, Старую Руссу, Ливонию до Нейгаузена. А тут и шведы навалились с севера по свою долю.

Хорошо хоть погода успокоилась, солнце красиво отражалось в куполах, вспыхивало на крестах и конской упряжи.

С утра прискакал гонец с вестью, что королевское посольство — в поприще от Москвы. Значит, скоро «припрут». Придется смирять гордость и ненависть, терпеть поганые хари.

Тут еще и ночью вышло нескладно. Молодая царица Мария Нагая привычно отговори-лась большим животом да обещанием сына родить, так царь и спустился в подклеть. Там, в темноте безлунной ухватил какую-то девку, навалился, как вдруг ощутил немоту непривычную. И не только «внизу крестного знамения», но и во всем теле. И поднимаясь восвояси по лестнице, слышал из подклети не обычные охи да ахи, а быстрый шепот и тоненький смех. Позорно, горько, страшно!

— Да! — подтвердил из-под ступеньки Мелкий Бес, — такого поношения не стерпеть! Это, брат Ваня, — колдовство окаянное, ведьмачество бабское виновато, — чтоб ты, да не устоял!..

Но вот на площадь выскочил передовой всадник, а за ним посольская карета нарочито скоро подлетела к крыльцу и стала, посадив лошадей. И сразу следом, из-за церкви Богоявления выволочились повозки с поклажей, усталым шагом выехали латники и вьючные лошади затрапезного вида. «Значит, карета набрала ход только от ворот, для гонору, а то бы клячи отстали на версту», — подумал Иван, поворачиваясь к карете спиной и восходя по лестнице в сени. Не приходилось ему встречать вражьих послов за порогом.

Но и мешкать не получалось. В хорошее-то время Иван послал бы послов на Кукуй или поселил в Китай-городе. Да выдержал бы их недельку-другую, чтоб спеси на московском воздухе поубавилось. Но теперь нужда заставляла принять скорее.

Иван зашел в свою палату и велел подавать выходное платье. Тут подскочил царев спальник Федор Смирной.

— Государь, дозволю сказать...

— После...

— Немешкотно!

— Не спешней королевского посла.

— Спешней! Твое, государево дело.

Иван досадливо нахмурился. В другой раз под таким глазом Федька не посмел бы и дышать. Теперь, обомлев, придвинулся к царю и быстро зашептал.

— Намедни ты велел пересмотреть, что за люд в Кремле обитает, при дворце, у митрополита, какие переходящие монахи, странники...

— Скорей!

— В подклети у стряпух смотрели по твоему велению...

— Ну?!

— Ведьма, государь! — Смирной мелко перекрестился, и отпрянул, бледный и кривой.

Грозный нахмурился еще страшнее.

«Не миновать крови» — похолодел спальник...

Вчера в ночь Грозный, проходя мимо караула, велел учинить розыск странных людей, юродивых, баб-богомолок. Очень уж тяжело ему было после случая в подклети.

На рассвете пятерка надежных ребят прошлась мелким гребнем по дворцовым закуткам. Другие обыскивали митрополичий двор, монастырские приюты, ближние кабаки.

Ведьму нашли в подклети Большого Дворца. Это была обыкновенная, не худая и не толстая баба. Она спала на сундуке с полотенцами и сказала родней ключницы Дарьи. Что это — ведьма, поняли не сразу, а лишь перевернувшись постель и сбив на пол узел, служивший бабе подушкой. Под узлом оказалось перо.

Перо было не большим и не малым. Меньше гусяного — больше утиного. Только цвету — не гусяного, не утиного, а лазоревого. Как у щура. Но щуры столь велики не бывают. Выходило — перо не от Божьей твари!

— Где оно? — Иван почуял, как ночная немота поднимается от пяток.

— В платок завернули, смотреть боязно. Платок у Курляты, велишь принести?..

— Оставь пока. Где баба?

— В яме.

Яма — камора под лабазом у восточной стены Кремля — была приспособлена для временного содержания государевых воров, для пытки и негласных казней.

Грозный отослал Федора за ближним стольником князем Ларионом Курлятьевым — «Курлятой» — и опечалился пуще прежнего. Детский ужас вспомнился царю, выполз из темных углов мерзкими рожами казненных изменников, выступил холодным потом на облысевшей голове.

Вошел Курлята. Он не казался растерянным. Доложил спокойно, с обычным прищуром. Баба заперта крепко. Перо под охраной. Можно ведьму пытать, а лучше так утопить. Как повелишь.

Грозный задумался, но тут в соседней комнате затопотали земские люди да бояре, вызванные к приему посольства, и царь махнул рукой:

— Топи! Да сам не возись, прикажи и возвращайся, послов поглядим.

Прием тянулся по обыкновению. Главный посол подал верительную грамоту, начал речь. И чем больше слушал его Иван, тем досаднее ему становилось, хоть и наперед знал, что послы будут шляхтичи невеликие, и услышит он речи дерзкие, что титул его полный царский не скажут, а скажут малый княжеский, что подарки будут скудные — только для счету. Он также знал, чего потребуют поляки. Захотят они Северских городов, мира Ливонии, воли Дону. Еще захотят вечевых колоколов во Пскове и Новгороде, а уж Смоленска — на вечные времена.

А раньше бы они такое и домыслить не успели, как остались без кожи и пускали пузыри в масляном котле. Тут Иван повеселел, и, глядя на послов, стал наблюдать их казнь. МБ забрался на поручень кресла и тоже обратился во внимание.

Толстяк «маршалок польный», щебечущий краткий титул, вдруг оказался голым. Спина его, отраженная венецианским зеркалом, была исполосована кнутом с наконечными крючьями. Грудь, раньше волосатая, а теперь паленая, как у битой свиньи, дымилась от прижара до черного мяса.

— Как думаешь, если кожу содрать, жир удержится или оплывет? — МБ поворотил любопытный пяточок к Ивану, и сам же ответил:

— А мы сразу всю кожу драть не будем. Сперва сделаем засеки малые, потом побольше, и шкуру снимем частями, — от засеки до засеки. Беречь ее нечего, сапог не сошьешь, — грустно пошевелил МБ босыми копытцами.

Начали с волосатой груди, чтобы двигаться к животу и далее. Маршалок беззвучно шевелил прокушенными губами, — никак не мог облегчиться криком, когда в палату вошли, мягко переступая козловыми сапожками, великий князь Иван Иванович и князь Ларион Курлятьев. Они медленно приблизились к посольским сзади. Первым ударил Курлята. Он всадил кривой черкесский нож в спину крайнему шляхтичу и бесшумно опустил тело на пол. Сын Иван в свою очередь махнул с плеча серебряной саблей, и голова второго свитского грохнулась о дощатый пол. Еще двое обернулись на этот стук и тут же были поражены, один в горло, другой в глаз. Теперь Иван и Курлята придвинулись к маршалку и вонзили лезвия в его толстые нижние места, — чтоб не насмерть. Иван вытащил из-за сапога короткую воровскую заточку и стал деловито трудиться на посольской спине, а Курлята, оставив оружие в мясистом теле, подошел к царю.

— Не тонет баба, — невпопад прошептал он.

— Какая баба?! — вздрогнул Иван. Он бешено поводил глазами, стучал зубами, и склоненный Курлята увидел, что пальцы его побелели на трясущемся посохе.

Маршалок прекратил речь и недовольно скривил напояженные губы. Остальные посольские тоже стояли вольно. Обезглавленный даже почесал оселедец — одинокий пучок волос на выстриженной макушке.

Наконец, Иван взглянул на стольника осмысленно, и Курлята доложил, что ведьму топили легким способом — в мешок с камнями не сажали, а связали только руки да ноги. Бросили бабу со свай снесенного ледоходом Китайгородского моста, она троекратно погружалась ненадолго, но потом закинула связанные руки за голову и «потекла» по холодной глади Москва-реки. Выловили ее для дальнейшего сыска уже у Боровицких ворот. Вернули в яму. Тут баба очнулась. На вопрос, почему ж ты, ведьма, не тонешь, отперлась, что не ведьма. А не тонет по Божьей воле. Не принимает ее Господь, пока не скажет она тайное слово самому государю, Божьему помазаннику. Так больше уж пытать и не посмели.

Иван вскочил с «царского седалища», крикнул Смирному, чтоб гнал посольских на Кукуй до завтра, и поспешил за Курлятой, сбросив на руки спальнику золоченый весенний кафтан.

Когда скорой толпой шли к лабазам, от митрополичьего двора отъехала карета. Новый митрополит Дионисий, избранный два месяца назад, поспешал куда-то через Спасские ворота.

— Узнал про ведьму. Обижен, что на пытку не позвали, — все ему внове, — пропищал МБ...

Смеркалось. У лабаза дымили смоляные факелы. В яме все было готово для ночного допроса. Горел огонь, заплечный отрок топтался у очага, на стене белело распятое тело. Руки ведьмы были привязаны к железным кольцам, ноги едва доставали до земляного пола.

Иван подошел ближе, осмотрел бабу медленно — от слипшихся темных волос, до вымазанных илом ног. На середине осмотра почувствовал оживание «ночного оружия». Ведьма была хороша. Ну, на то она и ведьма.

Теперь Иван гадал, не ее ли придавливал в подклети, и не от колдовства ли приключилась слабость. Грозный придвинулся близко.

— Что, красивая, перышком оборонила? Ужо не поколдуешь!

— Это перышко — приворотное — не отворотное. Не колдую я, аль креста на мне нет?

И, правда, во впадине меж грудей у бабы висел маленький медный крестик на обычном шнурке.

— Ну, сказывай свое слово, что за тайна от царя?

— Это слово древнее, птичье, в нем без боли нет почину.

— Ну, так будет тебе боль, этого у нас в достатке, — зловеще улыбнулся Иван. И не успела баба опомниться, разъяснить, что за боль такая, как уж подлетел отрок с каленой железякой, и нацелился в голую грудь.

Иван перехватил руку, и сам направил железо на внешний скат бедра. Красный стержень шваркнул, ведьма взвыла глубоким, утробным стоном, и у Ивана совсем уж напряглось, чего раньше болталось. Он оттолкнул отрока обратно к огню и придвинулся к бабе. Пахло свиной колбасой. Ведьма подкатила глаза, дрожащие губы ее шевелились, и Иван стал слушать скороговорку.

«Выходил царь Евсей да за Волгу-реку,
Да за Камень-гору, да по леву руку.
И ловил царь Евсей Птицу Сирин во лесу,
На дубовом на суку, да за русу за косу.
А уж птица была
Хороша и добра,
Для царя для бела
Не жалела пера...»...

Тут ведьма поперхнулась и замолчала. Голова ее обвисла, казалось, она спит или в обмороке.

Иван протянул руку и вполне по-мужски положил ладонь на талию. Медленно повел по обжаренному бедру. Ведьма встрепенулась от боли. Замотала головой, забормотала неразборчиво. Иван отпрянул. Курлята придвинулся вплотную, чтоб не пропустить чего. Но баба проговорила несколько слов и замолкла. Курлята недоуменно оборотился.

— Ну? — спросил Иван.

— Алчет чего-то. Все «алко», да «алко» приговаривает, шесть лет каких-то, шесть месяцев. Может, вина ей дать?

— Ну дай. И мы выпьем.

Отрок сбегал до дворца, принес порядочную сулею, узелок с закуской, чашки да плошки. Выпили, закусили, влили и ведьме на добрый глоток. Она дернулась на вытянутых руках, застонала.

Иван велел отвязать ее, прикрыть хоть чем, посадить на лавку. Бабе налили полную чарку, оторвали краюху хлеба. Теперь Иван смотрел, как она ест и пьет.

Ведьма поела, и допрос продолжался вполне мирно и тихо. Только захмелевшие опричники гоготали временами. Они добродушно спорили, отдаст ли им государь ведьму до утра или велит сразу кончить. Кто не кончил.

Иван и Курлята тоже выпили немало, но слушали трезво. А ведьма рассказывала интересные вещи. Будто бы за Пермской землей да за Камнем, есть Тобол-река, и на конце ее стоит холм-гора. На горе — малый лес. Во лесу — велик дуб. Туда на закате слетаются птицы русские

— Гамаюн, Алконост да Сирина. Гамаюн душу веселит, Алконост сердце покоит, а уж Сирина — чарует да любовь дает. Вечную, прибавила ведьма.

— Какова ж любовь вечная по жизни смертной? — разумно мукнул Курлята.

— От любви и жизнь! Аль не пробовал? — совсем уж расслабилась баба.

— Пробовал, и еще пробовать буду. Дозволь, государь? — Курлята приподнялся с лавки, но стал валиться набок. Иван велел его вынести, да и всем прочим выйти.

— Как зовут тебя, колдунья? — Иван снова сидел напротив бабы.

— Марья.

— Ну, говори дальше, или боли поддать?

Марья стала рассказывать не спеша, то выпивая, то закусывая.

Оказалось, перо Птицы Сирина годно для привороту. Если им пощекотать зазнобушку, то уж не отвяжется.

— Щекотка для привороту и без пера годится, — усомнился МБ.

— А саму Птицу поймаешь, да послушаешь — полюбишь навечно, и вечно молод будешь. Но поймать ее трудно, а заставить петь еще трудней. Она петь на воле привычна, и песня эта вольная опасна. Завораживает, ум вынимает.

Марья выпила и продолжала.

Ловится птица так. Нужно вылить в ендову вина немецкого, да рассыпать вокруг пряника русского. И как птица на закате вина попьет, да пряника поклюет, так можно ее брать руками, пока солнце последним кусочком не скроется. А тогда уж держать в золотой клетке. Поить вином с водою ключевою, кормить пряником, да разрыв-травой. Или подорожником.

— А на что вино немецкое, таким вот нельзя? — поинтересовался Иван.

— Сирина везде летает — от восхода до заката. Она солнца поводит, восход с закатом соединяет. Ест на востоке, пьет на западе.

— А как у нее молодости взять? — глаза Ивана оживились

— Это — тайна любви молодильная, — Мария снова бормотала в трансе, — на любви узнается — любовью дается — в любовь превращается — молодой остается...

Тут Бес велел Ивану подняться со своей лавки, да обойти стол, да споткнуться о пустую сулею, да налечь на бабу. На ощупь выходило, что это та самая ночная хохотунья и есть.

Мария ожила, отвечала Ивану телом, да и сказку рассказывать не забывала. Вот что у нее выходило с прерывистыми криками да стонами.

Птицу в золотой клетке нужно привезти домой, поставить клетку в спальне, темной горенке. Кормить ее можно молодильными яблоками, в немецком вине мочеными, с русским медом толчеными. И снесет она яичко позлащенное. В том яичке будет игла каленая. Кто иглу в себя примет, тот и любовь навек оборонит и молодость.

— А как принять иглу-то? — Иван привстал на локтях.

— Из яй-ца... — Мария уже срывалась в дробный крик, — в яй-цо, в яй-цо, в яй-цо! — и, затихнув, добавила, что птицу кормить надо пряником на единороговой муке.

— Какой муке? — Иван помедлил застегнуться.

— Единороговой. Из рога единорога смелешь муку, замешаешь в пряник, чтобы птицу ловить, и дома кормить. Я разве не говорила?

Иван стал выпытывать у ведьмы, не забыла ли она еще чего, и Мария добавила только, что от иглы в яйце — вечная любовь, а вечная молодость — по птичьему слову. Птица сама его скажет.

— Неужто, говорящая? — Иван недоверчиво скривился.

— Не говорящая, но скажет — моим голосом. Ты только излови, а уж я тебе ее песни перетолмачу.

Утром Иван проснулся со свежей головой, впервые за несколько лет нигде не болело.

Ларион Курлятьев, напротив, явился к одеванию шаткий и бледный. Пока Смирной государя умывал да одевал, Курлята помалкивал. А как спальник с тазом вышел вон, то и спросил, когда ведьму жечь будем? Или все-таки варить?

Иван велел бабу не мучить. Се не ведьма, но душа заблудшая. И вернуть ее нужно Богу. Посему, повелеваю — Иван сделал грозные глаза — рабу Марью постричь на Рождественке, держать крепко, но довольно и здорово, — до нового повеления.

— И сходи к митрополиту. Пусть отдаст на посмотр посох святого Петра Московского.

— Не даст, государь!

— Не даст, так сам возьми! Али ты не стольник мой?

Курлята в ужасе господнем вылетел в сени, скатился с Красного крыльца, побежал налево в митрополичий двор, узнал, что Дионисий еще на Кукуе, — наставляет тамошний клир на приезд безбожных католиков, — как бы не занесли заразы. Тут уж Ларион схватил чью-то лошаденку, и нещадно колотя ее ножами, погнал на Кукуй.

На Кукуе митрополит обходил церкви, стараясь не глядеть в глаза иноземным гостям, посольским людям, прочим еретикам в стыдном платье.

Ларион «государевым словом и делом» отозвал его в сторону, сказал немедля ехать в Кремль. Митрополит надулся, не стал дознаваться причины, — любопытство смирил молитвой. Полез в карету и нарочито медленно двинулся за Курлятой.

В митрополичьих палатах случилась тяжкая брань, гнев преосвященного был безмерен, на рык и крик его сбежались черноризцы с дубьем. И только уверенная осанка князя Лариона Дмитриевича Курлятьева, да гордая речь его, да воля царская сломили поповское упрямство. И еще, конечно, страх смертный помог. Помнили божьи люди участь митрополита Филиппа! Потому и не долго спорили.

Наконец, Дионисий стих, сказал, что посоха в грешные руки не даст, а на посмотр царю принесет самолично.

Того же дня на закате Дионисий вошел в палату к Грозному. Посох держал в правой руке, левой крест на груди поправлял. С дрожью протянул чудотворную святыню государю. Иван взял посох, поклонился митрополиту, жестом пресек многословье первосвященника. Посмотрел на него ласково.

— Обнадежься, святой отче. Посох завтра верну. — И вышел.

Глава 6. 1581. Москва. Семен Строганов

Семена Строганова приволокли в Москву казнить по доносу. Грозный давно уж был недоволен Строгановыми. Когда жаловал этот старинный купеческий род Чусовской Землей, когда указывал им на Камень и за Камень, то надеялся, что щедрость царская без пользы не канет.

Строгановы, конечно, заслужили царскую милость. Их предки сильны были по земельным тяжбам, и прежние государи не раз посылали их на «розыск» спорных, порубежных земель. Дед Иван III Васильевич отряжал Луку Строганова разбираться с новгородцами по Двинской Земле, а с князем Константином Владимировичем — по Ростовской. От этих строгановских трудов государству Московскому тогда прямая выгода была. Строгановы тоже в накладе не остались, растолстели, размножились на казенных делах. И уже хватило им денег, — у самого государя небывалых, — чтобы выкупить из татарского плена князя Василия Васильевича. Тут уж сторицей честь огребли!

Но в этот раз у царя со Строгановыми не заладилось. Все мало им было от Ивана. А Ивану от них еще меньше доставалось.

Просили Строгановы «сто сорок верст темных неведомых земель для поиска рассолу и варки соли», Иван давал. Соли не нюхивал. Она если и была, то сплавлялась куда-то вниз по Каме и Волге, а до Москвы против течения не вытягивала.

Били Строгановы челом: разрешить им городки строить, да пушки с пищальями иметь от безбожного люда. Разрешал! Хоть и не по чину им считалось с порохом баловать. Да что там! Гришка Строганов в этих городках тиунов да наместников воеводских подвинул. Стал сам пошлыны брать да народ судить, аки царь Соломон...

Имелись ли у Строгановых планы собственного государственного строительства в уральских предгорьях? История умалчивает. А я вам прямо, с бухты-барахты заявляю: были! И привожу доказательства.

Формально в Приуралье правил Пермский воевода Московского царя. Но его правление было осадным, бюджетным. Воевода смотрел в рот московскому чиновному люду, деньги получал в виде жалованья и взяток. Основные мыслительные усилия направлял на увеличение коррупции и уменьшение ответственности. А Строгановы смотрели шире. Ресурсы у них собирались не взяточные, а рыночные. Фактически они формировали крупную финансово-промышленную группу. Если бы нормальная жизнь в стране далекой продлилась еще несколько десятилетий, то Строгановы естественно пошли бы «во власть», как сейчас туда ходят хозяева норильских никелей и алюминиевых шекелей.

Вы, конечно, можете меня оспорить: «Уровень общественного сознания в России конца 16 века был недостаточен для преодоления классовых предрассудков и привлечения купечества к активному участию в управлении страной». Вы будете правы, если иметь в виду именно «Россию конца 16 века». Но я говорю не о России, а о куске земли европейского размера, который вполне мог прожить и без вашего общественного сознания.

Тут вы вовсе смеетесь, прямо подпрыгиваете в академическом кресле, сбивая на бок галстук-бабочку: «Кто бы дал Строгановым отделиться от Руси? Они бы и пикнуть не успели!...». И я прекращаю бесполезный разговор с вами, учеными. А начинаю разговор с людьми, нормальными.

— Итак, друзья мои, каковы основные признаки сепаратизма?

— Создание собственной армии, незаконных вооруженных формирований.

— Правильно. Еще?

— Печать местных денег, выпуск векселей, конфетных фантиков, пирамидальных билетов.

— Тоже правильно, хоть и слабее первого. Еще?

— Постановка таможен, границ, создание налоговых общаков, объявление столицы.

— Верно. И все это было доступно Строгановым, как и сейчас доступно практически любому губернатору. А глубже, выше, на космическом уровне?

— Выпуск собственной марки водки!

— В точку! Но в заднюю. Водку, братие, каждый пес гнать умеет. Это, действительно, главный символ воли и духовности в нашей стране. Этот райский нектар и есть наш национальный Дух Святой. Я бы на иконах Троицы его изображал — не голубком, а бутылкой с крылышками. Но есть в вашем понимании слабое звено. Если каждый производитель «именного» духа начнет претендовать на верховную власть, то у нас не монархия получится, а пьяный парламент.

Я помогу вам. Есть на Руси более авторитетный продукт, чем водка. Острота этого авторитета не добывает, конечно, до рекордных показателей отдельных русских мужиков. Но тут у нас не одни мужики проживают. И если взять произведение популярности интересующего народ предмета на количество самого заинтересованного народа, то максимум предпочтений упадет не на водку, а на ..., — ну? — правильно! — на колбасу!

— А видали вы колбасу с предвыборными эмблемами парламентских партий? Видали непарламентские цитаты на копченой оболочке? Теперь увидите. Если, конечно, эту книгу прочитают в Думе среди пленарной скуки. А хорошо может получиться: «Жириновская обезжиренная», «Медвежья застольная», «Союзно-Православная».

Вот, примерно, такой признак сепаратизма и обнаруживается в делах и мыслях семейства Строгановых. Вы еще не вспомнили, какой? «Беф-строганов» в студенческой столовой ели? Это оно и есть. Стали бы Строгановы своим именем мясо общепитовское называть, если бы не собирались проложить путь к нашим сердцам? Не стали. Побоялись бы Грозного царя...

Царь продолжал беспокоиться ходить по палате и думать о сибирских делах.

Нынче Григорий с братом Яковом уж померли, за Каменный пояс ступить не посмели. А наследники их — младший брат Семен, да сироты Максим Яковлевич и Никита Григорьевич завели собственное войско, — кого воевать, неведомо. Поначалу выписывали себе немцев да шведов, денег не считали. Нашими брезговали. А как немцы по уральским местам повымерзли да восвосяси повыбегли, так уж стали верстать войско, как водится — из людей лихих, беглых, государевых воров да казаков. Иван терпел и эту шалость, доносы прочь отметал.

Но вот поганый князь Пелымский напал на Пермь. Воевода Перепелицын посадил на конь всех хрестьян от мала до велика. А Семен Строганов со племянники сказались в нетях. Дескать, нету войска у нас, мы с Божьей помощью царев указ исполняем. «Все войско услали за Камень воевать сибирского салтана». Навоевали, как же! Ни Сибири, ни Камня, ни салтана, ни соли с хреном!

На указ по такому изменному делу Иван даже бумаги пожалел. Велел на словах передать Пермскому воеводе, чтоб поступал с Семеном по здравому разумению. Разумение вышло обыкновенное — под стражу да пред грозны очи! Поглядим теперь на голубчика, послушаем, чего запоет. Гамаюн!

Глава 7. 1581. Москва. Видение красной казни

Семен валялся на соломе в тех же лабазах, где мы намедни ведьму приручали. Только его каморка была совсем уж маленькая, грязная и темная. Семен лежал больной. По дороге его прихватил весенний северо-восточный сквозняк, снег посыпал воспаленную голову, пошившие руки и ноги в примерзающих кандалах почти не чуяли прикосновений. Прогноз на ближайшие дни тоже не способствовал укреплению здоровья. Но, скорее всего, остатки этого здоровья Семену могли понадобиться еще день-два. Максимум — до Пасхи. Должно хватить.

Семен был реалистом, поэтому насквозь видел свою ближайшую и окончательную судьбу. Вот войдет ночью в эту гнилую дверь опричная харя, ткнет в живот бердышом или пикой, да и выволокут Семена через лаз в стене к полноводной Москве. Отпустят по течению. Бесславная смерть. Ни тебе в злодеях покрасоваться, ни с честным народом попрощаться. Был и нету.

Но могло получиться и лучше. Слышно, приехали польские послы. По нынешней обстановке — будут царя пугать. Но наш царь и не такого испугу не боялся! Он сам хоть кого напугает, не то, что этих ляхов кучерявых. Устроит им государь развлекательное зрелище в перерыве бесед — казнь страшного преступника. Такого преступника, какого они в своих ляхских краях отродясь не видали, — за скудостью краев.

А значит, поддержат Семена еще с неделю на казенных харчах. Но уже завтра, в базарный день выедет на Красную площадь красивый молодец на справном коне. Развернет свиток с грамотой государевой и заголосит на всю ивановскую:

— Троице пресущественная и пребожественная и преблагая праве верующим в тя истинным хрестьяном, дателю премудрости, преневедомый и пресветлый крайний верх!...

При этих словах люд базарный непроизвольно наострит уши, потому что такое начало, такое чтение полного титула государева зазря не делается. Это, значит, объявят войну, пришествие Антихриста, падение Небес или назначат Страшный суд уже на эту Страстную пятницу.

Но может быть это и что-нибудь доброе: победа над ляхом, рождение двуглавого наследника, официальный визит Девы Марии. Или вот еще (тут мы совсем размечтались!) — ну, как начнет государь нас с Чистого Четверга до Светлого Воскресения водкой жаловать, без счету и вычету?

...Направи нас на истину твою и настави нас на повеления твоя, да возглаголем о людех твоих по воле твоей...

— Нальют, вот те хрест, нальют, а то как же мы без водки «возглаголем о людех»?

...Сего убо Бога нашего, в троице славимого, милостию и хотением удрьжахом скипетр Российского царствия...

— На троих, слышь, разливать будут.

...мы, великий государь, царь и великий князь, Иван Васильевич, Русии самодержец, владимерский, московский, новгородский, царь казанский, царь астраханский, государь псковский и великий князь смоленский,...

— Не, братки, это литва Смоленск взяла!

...тверский, югорский, пермьский, вятцкий, болгарский и иных, государь и великий князь Новгорода,...

...Поди, и Новгород забрали!

...Низовские земли, черниговский, резанский, полотцкий, ростовский, ярославский, белоозерский, удорский, обдорский, кондинский, и всея Сибирския земли и Северные страны повелитель,...

— Чуешь, уже и Сибирский! На святки, как с бояр Хворостининых шкуру драли, еще Сибирский не был.

...и государь отчинный земли Лифлянские и иных многих земель государь повелеть соизволил:...

Тут мы наконец понимаем, что водки не видать. Если бы кормить-поить собирались, то было бы не «повелеть соизволил», а «милостиво пожаловал».

А охрипший горлопан доходит до сути, и выясняется, что завелась на Руси измена, какой доньше не бывало. Выискался безбожный тать..., — фу, даже именовать мерзко! — Семка Строганов. Государь пожаловал сего татя великими землями Сибирскими от Камы до Камня, от Камня — до Края небес, и от Края небес — до Края их. Видывал ли кто из вас, хрестьяне, столь много земли? Вот ты, мужик, сколько земель имеешь? Сорок на сорок сажень? Аршин? Вершков? А Семке-вору царь, почитай, всю землю поднебесную, окромя вышеперечисленных псковских да резанских кусков отдал. На, владей, да и нас не забывай. Малым сухариком, рыбкой красненькой побалууй!

Так нет же! Вор Семка все хлеба сибирские сам сожрал, всю рыбу переел да распугал, всю птицу повыловил, Сибирь разорил, расточил, басурманам распродал!..

Народ ежится в смертном страхе. На такие грехи придумана ли казнь? Не будем ли все, братцы, виноваты?

Но нет, слава Богу. За сии воровские грехи повелел вышеперечисленный царь одного только Семку Строганова казнить смертью! А как казнить, не сказывал. Сюрприз готовит европейским наблюдателям.

Чтение приговора народу базарному очень нужно. А то, как же остальные люди русские о представлении узнают? А так — по-соседски услышат, обговорят, обсудят новость, подготвятся к зрелищу, и намного лучше его усвоят!

И вот в Страстную Пятницу умоют Семена, причешут, оденут в белое полотно, вывезут на Красную площадь (это, если голову и прочие члены рубить), или на Болото (если варить) и поставят пред православным миром.

И поклонится раб Божий на все четыре ветра. Особо — барышням и бабам, отдельно — дипломатам иноземным. Перекрестится на соборы, на каждую окрестную церковку, которых, как известно, в Москве — сорок сороков, т.е. 1600 штук числится. Но докреститься ему не дадут, нечего волынить, послы стынут, бабы простужаются. И снова зачитают Семену приговор недельной давности — с прибавлением, что нужно тебя, Семка, сначала посечь батогами либо кнутом, потом порубить-покрошить в беф-строганов, а что останется, сварить вкрутую. Готовый продукт — выбросить собакам, вон их сколько набежало.

Ну, как сечь да рубить, мы с вами, братья милостивые, приблизительно понимаем. А как варить, это я вам сейчас вкратце объясню. А то вдруг придется, а вы не сумеете.

Варка врага народного бывает в основном двух видов — увар и запар.

Увар — это быстрое приготовление мясных блюд — годится для вареников, пельменей, раков и воров губернского масштаба. Блатных придворных тоже так отваривают.

Для увара воду или масло следует довести в котле до кипения. По православным праздникам в целях религиозной назидательности вместо обычного постного масла иногда применяют земляное, черное — «нафту», привозимую с дальних промыслов. Земляное масло хорошо тем, что напоминает видом и запахом смолу адских котлов. Есть, правда, одно неудобство: кипящая нафта при неосторожном обращении с огнем вспыхивает. Оно бы и ничего, — взлетает адское пламя, грешник принимает кару по полной программе, — но может выйти и неприятность. В прошлом году на Крещение стали протопопа Никодима Содомского в нафту сажать, а она как рванет раньше времени! Так молодца-крестителя заодно и спалила.

Ну вот. Когда юшка в котле закипит, быстро окунаем в нее клиента. Пять минут, и готово! Можно подавать. Только остудить не забудьте, а то собачки морды могут попортить.

К рецепту увара остается добавить три соображения.

Первое. Нефтяным рассолом, все-таки, злоупотреблять не следует. Нефть недешева, да и собаки есть готовое блюдо с нефтью обычно отказываются. Если не голодный год.

Второе. Объем жидкости следует рассчитывать по закону Архимеда. То есть, из объема котла вычитать объем купальщика, чтобы кипятик при его погружении не перелился через край. Если вы в античной математике не сильны, то можете определить объем экспериментально. Подберите мужичка-дублера, одинаковой или чуть большей, чем у главного акванавта дородности. Посадите его в холодный котел. Излишек жидкости выльется. Потом отнимите еще десятую часть объема, — на расширение жидкости от нагрева. Вот и все.

И третье. Градус кипения масла намного выше, чем у воды, и если вы на воде готовите, то раствор нужно подсолить. Чем больше соли, тем выше температура. Тем здоровее увар.

А запар — другое дело, серьезное! Оно — для особых гадов, всенародных врагов, воров государевых, всероссийских. Объект внимания усаживается в котел заранее. Начинаем воду или масло медленно подогревать. Сначала, особенно зимой, это даже приятно. Но вот температура повышается, пациент начинает нервничать, суетиться. Тут уместно подойти к нему и спросить ласково:

— Любо ли тебе, добрый молодец? По здорову ли тебе приходится? А по здорову ли было государя нашего, сиротинушку, обворовывать? Последнюю корку у него красть? Последнюю икринку хитить?

— Да что ж ты так орешь, урод?! Постесняйся девок красных! Вон они уж и в обморок валятся от твоих криков. Послы по тебе совсем изрыгались! Видать, тебе обычай наш московский не по нраву? Так ты бы заранее сказал, мы бы тебя на кол посадили. На колу оно, брат, прохладнее — девкам нагляднее, да и тебе самому всю Русь великую до горизонта видать. Ну, все, успокойся, ты нам всех собак распугал!

Так мечтал о знатной казни наш узник, когда за полночь к нему пришли. Первым в келью втиснулся громадный мужик.

«Конец спаси пресвятая Богородица», — быстро, без знаков препинания забормотал Семен.

Но вошел еще один человек, с факелом, и узник увидел, что гости одеты слишком нарядно для ночных убийц.

— Ну, Семка, — начал старший, — сказывай, как ты уговор нарушил, как наше жалованье осквернил?

«Царь!», — понял Семен, и, перевернувшись со спины на колени, заголосил бойко:

— Батюшка наш, **великий государь, царь и великий князь, Иван Васильевич, Руси самодержец, владимирский, московский, новгородский, царь казанский...**

— Короче говори, убогий!

— **... удорский, обдорский, кондинский, и всяя Сибирския земли и Северные страны повелитель...**

— Ужо и Сибирский! — ехидно скривился Грозный, — ты мне лучше признавайся, как ты меня, **обдорского**, ободрать хотел, как **кондинского** закондомить пытался, куда от **удорского** удрать собирался? И куда войско гонял, воеводе не давал?

— Чести и славы тебе, государь **казанский**, хотел, — Семен с перепугу перемежал речь титульными огрызками, как икотой, — короткий путь до Сибири найти пытался, туда, **государь псковский**, по весне собирался, туда, до Камня и войско на разведку ходило...

— Титлы оставь! Путь знаешь? Разведал?

— И путь знаем, и знатоков тамошних наловили, и для языков человечка переняли, — Семена колотила крупная дрожь, то ли от простуды, то ли от ужаса.

И тогда видя, что толковой беседы с этим раздавленным существом сегодня не получится, **государь отчинный земли Лифляндские и иных многих земель государь пове-**

леть соизволил: купца родового Семена Строганова пожаловать теплой спальней-умывальной, покормить по-человечески, полечить, приодеть и... — нет, не варить его, тощего, — ... а доставить во среду на душевную беседу.

«Пытать будут», — не верил счастьем Семен.

Но нет. Все-таки Богоматерь правильно поняла его нескромную мольбу.

Глава 8. 1581. Москва. Жажда иглы

А грозному государю не терпелось «восприять» волшебную иглу. Ему чудилось в кошмарах, что онемел он всем телом, ни двинуться не может, ни встать, не пойти. Однажды, засыпая, Иван слушал очередной абсурдный сказ, из тех, которыми с некоторого времени потчевал его на ночь Мелкий Бес, оттеснивший с почетного ложа и баб шахерезадов, и Федьку Смирного.

Сказ выходил на тему дня. Будто замешкался Иван с отправкой ловчих за Птицей Сирин. Будто не нашлось на то богатыря, — все в Ливонии сгинули. А какие не пали в бою, те полегли к немецким бабам, увлекающим усталых витязей волшебным пением и художественным свистом. Пришлось Мелкому Бесу лично птицу ловить, государя выручать. За сей подвиг МБ всего-то и запросил, что сафьяновых сапожек, звания окольникового, да жениться на ведьме-Марье. Царь сначала волинил, хотел Марью под себя прибрать, но особенно жмотил сафьяновых сапожек. А время играло на МБ. У царя по утрам уже не только до колен немело, но и выше под простышкой не пошевеливалось. Поэтому царь терпел-терпел, да и согласился.

МБ сгонял в Сибирь, договорился с Птицей на своем языке, да на ней же верхом назад и воротился. А чего время зря изводить, с клеткой золотой, пудовой по замерзающим рекам таскаться?

Он Птицу в полете поторапливал. То шенкелями ее освежит, то перо смыкнет, то за грудь ущипнет. Наконец прилетели. Быстро поклевали огурца с хреном и водкой, и стали песни орать, яйцо высиживать. Да вот беда. Летелось-то быстро, пилося пьяно, пелось весело, а сидится как-то натужно. Запор.

А государь тем временем каменеет..., нет, скорее студенеет. Холодный, вялый, как студень, становится. Пришлось МБ позвать Большого Брата. Как загремит ББ колокольным набатом, как трахнет землицу сейсмостойкую, как завоюет на Птицу: несись, курица! А то, была синяя, станешь рябая! Сирин, конечно, испугалась, и выкинула яичко недоношенное. Не шибко золотое. Так, желтенькое чуть-чуть. Но иголка в нем нашлась! Побежали к Ивану, ББ дыхнул на него боевым своим дыхом паралитическим. Иван и отрубился. Пришлось окна во дворце отворять, впускать ветер свежий, сибирский — норд-ост называется, сильно с похмелья помогает. Пока Иван в коме пребывал, воткнули ему иголку, куда следует, ушко с ниткой сна-ружи оставили, для аварийного выдерга. Пришел Иван в себя, да не встанет никак. Все-таки, сильно ослаб, поздновато мы с норд-остом подоспели. Сам Иван не встает, а главный член его государевой думы, гляди-ка, — подымается! Подействовала иголка!

Встает, значит, этот хрен отдельно от Ивана, на хозяина ему плевать. Сразу начинает выпытывать, от кого у птички яичко, да смотри мне, Мелкий, не балуй тут, мы сами теперь балованные будем. А вы, господин Большой Боярин, соизвольте на Литовскую границу убыть, и кричать там пострашнее. И назначает Федьке Смирному приготовить примерку Шапки Мономаха на его облупленную головку.

И отправляется в подклеть.

Тут Иван просыпается, мычит нечленораздельно, толкает МБ в бок:

— Тащи сюда Семку Строганова, босяк!

Притаскивают Семку. Царь его тычками гонит в Сибирь. Семка отпирается непогодой, неподходящим сезоном, нехваткой войск.

Царь берется за посох, переводит его в положение «наготове» — острием на Семку. Приходится МБ вмешаться. Мелкий шепчет вкрадчиво, но весомо:

— Сэр. Если этого козла выпустить в сибирский огород, то:

аз) только мы его и видели в закаменных просторах; оттуда еще никто подобру не возвращался;

буки) кость у молодца тонкая, не выдюжит зимней службы; и, наконец,

веди) сильно я, Ваня, за девственные свойства нашей птички опасаюсь. При таких ловцах о двух яйцах, третье может подкидным вылупиться. Глянь на его рожу!

Грозный отвечает Мелкому, что согласен, так за чем же дело стало? — давай его в мерины переориентируем?

— Нет, — спасает Семку МБ, — сдохнет он от вашей ориентации, а нам спешить нужно. Короче я так решаю. Семку держать будем тут, в заложниках для мелких нужд. А за Птицей пошлем кого-нибудь поумней да поздоровей. Вот есть у Семки человек один. Его посол твой Матвейка Юрьев выкупил у смерти за заклый ямачок — золотой пяточок. Сила ямачка такова, что купленный человечик покорен и верен будет во веки веков, хоть сам он богатырь, а хозяин его хмырь. Семен наш, не будь дурак, перенял купленного богатыря у Юрьева за персидскую ендову. И велел Юрьев богатырю на прощанье Семку слушаться. Вот мы и прикажем ему завтра за Птицей сходить, пока велье Юрьево не развеялось. А сейчас пора спать.

На сон грядущий попросил Иван Мелкого рассказать ему сказку про заклый ямачок.

Глава 9. 1581. Ярмач заклятый

— Ну, Ванечка, — начал МБ голосом покойной Аграфены Оболенской, — ложись на бочок — под головку кулачок и слушай.

— В старые времена продали фарисеи и книжники господина нашего Иисуса Христа за тридцать серебряных монеток римской чеканки. — Тут речь Мелкого поменялась, из распевно-сказочной стала она поучительной, академической.

— От этого злодейства пало проклятие на всю имперскую монетарную систему. Величие Рима постепенно сошло на нет, вложения капиталов потеряли всяческую рентабельность, и империя пала.

— Однако, евреи не поняли опасности распространения проклятых денег. Они посчитали, что раз им удалось самого Христа купить, то всех прочих они купят и подавно. И вот, к середине первого тысячелетия новой эры вектор иудейской экспансии повернулся в наши края... — ты слышишь, Иван? Жида на Русь нацелились, а ты дрыхнуть? — не спи! — слушай дальше!

— В самом узком месте нашего простора, где едва не совокупаются Волга-матушка и Дон-батюшка, образовалось Хазарское ханство — Каганат. В строгом соответствии с Ветхим Заветом там наблюдалось с одной стороны — каждой твари по паре, с другой — вавилонское столпотворение этих пар. То есть, среди неразумных хазар было полно и славян, и берендеев, и печенегов, и прочих. Евреев только пока не находилось. Но, слава богу, мы пока не все анти-семиты, допустили иудеев к нам погостить. Иудеи в бытовом смысле в наших краях не прижились, но веру-тору свою нам на прощанье оставили. И стало Хазарское княжество первым нашим государством с официальной монотеистской религией. Ну, и славно.

— В 80-х годах 10 века, т.е. 980-х годах, твой, Ваня, пра-пра... (сам знаешь, сколько раз, «пра») ...дед Владимир Красно Солнышко затосковал об истинном Боге. Ты также знаешь, что собрались русский, армянин и немец... — нет, это из другого анекдота, — еврей, исламист и грек православный агитировать деда Владимира в свою веру. Грек прибыл из Царьграда, мусульманин из Волжской Булгарии, а еврей — не настоящий, а хазарский — из Саркела — волгодонской столицы Каганата. И весь подвох состоял в том, что евреи деда Вову хотели забашлять. Они его держали за фразера мелкого. Насыпали в мешок стандартную дозу в тридцать монет, но не римских тетрадрахм серебряных, а своих ярмаков золотых.

— Дед Владимир ярмаки оприходовал, но тендер провел по всем понятиям и выбрал наш дорогой православный закон. Конечно, не без консультации с умными... людьми, — тут Мелкий гордо приосанился и глянулся в зеркало.

— Обрели мы веру бесплатную и неподкупную. Но евреи за этот кидок, естественно, приговорили Вована к денежному проклятию.

— И вот же черт! — МБ снова посмотрелся в зеркало, — заклятые эти тридцать монет в государстве нашем осели. Куда ни попадала такая денежка, везде происходил ступор в делах. Правда, в скорости, Владимир сплавил эти башли в Крым. Выкупил за них наших пленных. Однако, угроза человечеству не исчезла, а затаилась в сундуках Бахчисарая. И наемни случилась беда. Матвей Юрьев, посол твой, отъезжая из Бахчисарая (пардон за рифму), продал татарам старую шубу за горсть подержанных монет. Среди пестрого нумизматического мусора оказался и один заклятый ярмак из коллекции твоего пращура. Нынешние и будущие события ты понял: ярмак — за Ермошку, Ермошку — за Птицей, Птицу — за яйцо, в яйцо — иголку...

Тут МБ заметил, что Иван уже спит, и запел голосом Аграфены:

Баю-баюшки-баю,

Баю деточку мою,

Спи, Ванюшка, засыпай,

Кого баю, тех и бай.

— Ты это, Мелкий, — Иван забормотал с закрытыми глазами, — Федьке скажи, пусть утром Строганова мне сюда предоставит. Расспросить хочу...

Глава 10. 1581. Москва. Завтрак при царе

Семен Строганов, умытый, одетый, почти здоровый сидел на лавке в трапезной недалеко от царя. От этого сидения Семену было очень не по себе. Не елось совершенно. И только, когда бывший кравчий Годунов, с утра произведенный в окольные, силком влил ему чашу вина, Семен смог, наконец, рассказывать. Вот общий смысл его рассказа, ибо передавать столь путаную речь дословно дураков нет.

К новому 7087 году от сотворения мира, который в Древней Руси наступал 1 сентября 1578 года от рождества Христова, Семен Строганов собрался из Чусового в Казань на ярмарку. Оставил племянников на хозяйстве, снарядил кораблики для продажных товаров и обратных покупок. Товар у Семена был не шибко интересный — от 800 до 1000 песцовых да собольих шкур, — кто ж их считает да разбирает. Назад Строганов желал привезти тканей всяких разных — голубых да красных, пороку намеревался добыть у соответствующих людей, ну, и прочих диковин углядеть надеялся.

В Казани у заутрени Семен встретил государева посла Матвея Юрьева, с которым знаком был по Москве. Они поздоровались, поговорили о делах крымских да краях сибирских. Как-то незаметно переместились на званый ужин к воеводе, стали изливать друг другу душевные глубины. Семен показал Матвею персидскую серебряную ендову, купленную на ярмарке. Ендова Матвею очень приглянулась. Он хоть и не просил ее продать, но интерес показывал. От щедрого сердца Семен возьми да и подари ендову послу. А тому отдариваться нечем. Так и стал он дарить Семена своим немым холопом Ермошкой. Ермошка этот, донской казак Ермолай сын Тимофеев, выкупленный Юрьевым от скорой расправы, понимал также кличку «Ярмак». Непонятная кличка, государь, нечеловеческая.

— Что ж за «ермак» такой? — хитро спросил Грозный, — что сие слово значит?

Но Семен только пожал плечами, а Мелкий, разомлевший на лавке у печи, знал, да помалкивал, — не любил вмешиваться в многолюдные разговоры. И не любил одно и то же дважды повторять. Семен продолжал:

— Ермолай под этим прозвищем даже послушнее был, чем под православным именем. Позовешь его по-людски, он пока-а подыметесь! А шепнешь «Ярмак!», он, как ошпаренный вскакивает, подбегает, кланяется.

И вот, сказал Юрьев Ермолаю тихое слово, так Ермолай за Строгановым и пошел. И даже понес его местами, где после воеводского пира идти не получалось.

Сначала Семену было забавно, что такой здоровенный мужик за ним как собачка поспешает. Потом надоело.

Как-то, незадолго до отправки в Пермь, сидел Семен, глядел на Ермолая и размышлял вслух.

— Какую бы тебе службу, молодец, придумать, чтоб ты зря хлеб не ел?

— Любую, хозяин, — неожиданно пророкотал богатырь, — могу в поле ходить, могу морем плавать, зипуна добывать. Могу странником, могу ратником, могу и атаманом.

Ночью Семен не мог заснуть, все ворочался. Чудились ему Сибирские земли, походы да войны, которые братья покойные затевали, да с немцами-шведами так и не затеяли.

А когда утром Семен проснулся, то готов у него был добрый замысел.

— Слышь, Ярмак, а ежели я тебя отпущу на волю, да попрошу службу сослужить, сослужишь?

— Хребта не пожалею.

— А вот бы ты пошел на Волгу, где народец лихой, да пожил с ними, походил, поплавал. Да и составил бы войско молодецкое, привел ко мне в Чусовой на службу. А уж служба была бы знатная, дорогая да богатая!

— Отчего ж не послужить. А много ль войска тебе, хозяин, надобно.

— А хоть тыщу! Хоть полтысячи!

К обеду Ермолай не явился, и Строганов подумал, что сбежал он, искушенный разговором о воле вольной. Ну, и Бог с ним, подумал, Семен, пусть живет, добрая душа.

Прошел год. Строганов забыл про Ермолая. Но однажды в Чусовой прискакал человек из Перми и сказал, что по реке от Камы поднимается стая казачьих чаек, есть и большие лоды. А двумя днями ранее они останавливались в Перми. И плывут на них прямые разбойники, и несть им числа. А воевода сделал вид, что лихих путников не заметил, и рад теперь, что отправились с глаз долой.

Семену только этого не хватало. Он объявил в Чусовом тревогу, объяснил своим немцам боевую задачу — не пустить казаков на берег, отжать дальше к Камню — и по глазам увидал, что немцы по-русски больше не понимают. А значит, пройдет еще день, и ватаги оборванцев высадутся в Чусовом, сметут все, что братья Строгановы построили ценой великих трудов и самой жизни.

И бог бы с ними, трудами, но Семену дальше жить хотелось. И бежать бы надо, но и бежать некуда, нельзя государя гневить! Строганов обреченно вышел на пристань.

Сначала послышалась песня. Складный хор выводил долгие звуки, и хоть слов было не разобрать, но брало это пение за душу, распускало натянутые жилы рук и ног.

Потом из-за прибрежного подлеска показались белые паруса, это плыли казачьи чайки. Если прищуриться и не видеть снастей, мачт, людей в лодках, то и правда, очень похоже было на стаю птиц, присевших на воду.

«Чего-то они наклюют», — невесело думал Семен.

Лодки приближались, но вдруг приспустили паруса наполовину и замерли, не поднимаясь к городку, но и не сплывая по течению. Только одна чайка отделилась от стаи и быстро пошла к берегу. Она ткнулась носом в песок, с нее соскочил юркий человечек, закинул за корягу «якорь» — оплетенный камень на длинной веревке — и подбежал к Семену. «Шнырь», — определил человечка Строганов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.